

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172

Научная статья / Research paper

Ван Юйфэй*

ПРАКТИКА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Регион Центральной Азии, обладая богатыми запасами энергоресурсов и уникальным геополитическим положением, занимает важное место в современной внешнеполитической стратегии КНР. При этом, несмотря на подчеркнутое внимание китайских исследователей к проблематике «мягкой силы» и публичной дипломатии, этот аспект внешней политики Пекина в отношении центральноазиатских республик остается сравнительно менее изученным. Именно эту лауну и призвана отчасти заполнить данная статья. В первом разделе дано определение понятия «публичная дипломатия», рассмотрены эволюция связанного с ним дискурса в Китае и теоретические подходы китайских исследователей к данной концепции. Во втором разделе выявлены причины актуализации инструментария публичной дипломатии во внешней политике КНР в отношении стран Центральной Азии в последние годы. Показано, что быстрое укрепление экономического и политического сотрудничества Китая со странами региона не сопровождалось пропорциональным улучшением китайского имиджа в глазах местного населения, напротив, наблюдался устойчивый рост синофобии. В этих условиях и в контексте запуска инициативы «Пояс и путь» КНР стала уделять повышенное внимание инструментам публичной дипломатии. В третьем разделе обозначены основные направления реализации программ публичной дипломатии в государствах рассматриваемого региона: PR-дипломатия, СМИ-дипломатия и гуманитарная дипломатия. В заключительном разделе выявлены эндогенные и экзогенные вызовы, с которыми сталкивается публичная дипломатия КНР в странах Центральной Азии на современном этапе. Автор отмечает, что конкурен-

* Ван Юйфэй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: wufempire@gmail.com).

тоспособность и эффективность китайской публичной дипломатии могут быть повышены за счет расширения сотрудничества в гуманитарной сфере, применения цифровых технологий и медиа 2.0, а также активного вовлечения неправительственных коммерческих и некоммерческих акторов во взаимодействие с региональной общественностью. Автор приходит к выводу, что центральноазиатский вектор китайской публичной дипломатии будет приобретать всё большую значимость, несмотря на указанные проблемы.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, публичная дипломатия, «мягкая сила», стратегическая коммуникация, цифровая дипломатия, общественное мнение, инициатива «Пояс и путь», Си Цзиньпин

Для цитирования: Ван Юйфэй. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 145–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172.

Wang Yufei

**PRC'S PUBLIC DIPLOMACY PRACTICE
IN CENTRAL ASIA:
CURRENT SITUATION, CHALLENGES AND PROSPECTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The Central Asian region, with its rich reserves of energy resources and unique geopolitical position, is of particular importance for the modern foreign policy strategy of the People's Republic of China. At the same time, the PRC's public diplomacy and soft power in the Central Asian republics remain relatively understudied, despite the overall emphasis given to these issues by the Chinese researchers. It is this gap that this paper is partly intended to fill. The first section of the paper examines the evolution of the discourse on 'public diplomacy' in China and its perception in the Chinese academic community. The second section identifies the reasons for mainstreaming public diplomacy agenda in China's foreign policy towards the Central Asian countries in recent years. The author shows that enhancement of economic and political cooperation between China and regional countries was not matched by a concurrent improvement of the China's public image, on the contrary there has been a noticeable rise in

Sinophobia. It was against this background that the PRC turned its attention to the use of public diplomacy tools as it launched the Belt and Road Initiative. The third section outlines the main thrusts of the Chinese public diplomacy in the region, including PR-diplomacy, media-diplomacy and humanitarian diplomacy. The final section identifies both the endogenous and exogenous challenges faced by the PRC's public diplomacy in the Central Asian countries. The author argues that the competitiveness and effectiveness of China's public diplomacy could be increased through expanding cooperation in the humanitarian sphere, implementation of digital technologies and media 2.0, as well as by increased engagement of non-governmental commercial and non-profit actors in interaction with the regional public. Either way, the author concludes that the Central Asian region will play an increasing role in the Chinese public diplomacy.

Keywords: China, Central Asia, public diplomacy, 'soft power', strategic communication, digital diplomacy, public opinion, Belt and Road Initiative, Xi Jinping

About the author: Wang Yufei — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: wyfempire@gmail.com).

For citation: Wang Yufei. 2022. PRC's public diplomacy practice in Central Asia: Current situation, challenges and prospects. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 145–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172. (In Russ.)

Всё больше исследователей обращают внимание на публичную дипломатию как основной инструмент «мягкой силы» — концепции, сформулированной Дж. Наем в 1990 г. [Бахриев, 2018; Наумов, 2021]. Особый интерес ученых в области международных отношений вызывает публичная дипломатия КНР — одного из ведущих игроков на международной арене.

Особенностям реализации китайской публичной дипломатии посвящено значительное число исследований. Так, в статье С.В. Кривохиж рассмотрены причины повышенного интереса руководства КНР к концепции «мягкой силы» и выявлена специфика китайского подхода к теоретической разработке и применению этой идеи на практике [Кривохиж, 2012]. По мнению Ц. Вана, особенности публичной дипломатии Китая и ее методы на современном этапе объясняются историей китайской внешнеполитической практики [Ван Ц., 2021]. Л. Лай подчеркивает значимость фактора «первой леди» в публичной дипломатии КНР [Лай, 2017].

После выдвижения китайским руководством инициативы по созданию глобальной инвестиционной и транспортной инфраструктуры «Один пояс, один путь» (ОПОП) в 2013 г. значительную часть публичной дипломатии КНР составили усилия по качественному улучшению государственного имиджа среди населения стран — потенциальных участников транснационального проекта. Изменение региональных и страновых акцентов в китайской дипломатической практике привлекло внимание академического сообщества. В частности, С. Лилэй и Ц. Чжао рассмотрели преимущества и недостатки реализации китайской культурной дипломатии в регионе Центральной и Восточной Европы [Lilei, Zhao, 2018]. В период с 2018 по 2021 г. Институт глобальных исследований при Колледже Уильяма и Марии выпустил ряд аналитических докладов о практиках китайской публичной дипломатии в странах Южной и Центральной Азии [Custer et al., 2019, 2021]. Некоторые исследователи сосредоточились на изучении посреднической роли Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в процессе формирования положительного образа Китая у мусульманского населения Казахстана, проживающего на китайско-казахстанской границе [Klimeš, 2021].

На фоне пандемии COVID-19 публичная дипломатия многих стран столкнулась с новыми ограничениями и вызовами. Поскольку первая вспышка заболеваемости вирусом нового типа была зафиксирована в китайской провинции Ухань, академическое сообщество проявило повышенный интерес к китайской дипломатии, вынужденной адаптироваться к этим условиям. Зарубежные исследователи отметили, что эффективные меры борьбы с новой коронавирусной инфекцией внутри страны позволили Китаю провести ряд дипломатических мероприятий для восстановления своего национального имиджа, включая предоставление развивающимся и некоторым развитым странам необходимой медицинской помощи и вакцин («вакцинная дипломатия») [Kobierecka, Kobierecki, 2021; Kobierecka, 2022].

Проанализировав коммуникативные практики китайских посольств в ряде европейских стран за последние три года, российские эксперты в свою очередь установили, что в рассматриваемый период китайские послы стали активнее взаимодействовать с местными СМИ и общественностью на понятном им языке [Litvak, Pomozova, 2021]. Китайский исследователь Б. Ван, наблюдая за пользовательской активностью китайских дипломатических сотрудников и организаций в социальной сети «Твиттер», пришел к выводу, что число

аккаунтов, созданных официальными лицами КНР в 2019–2020 гг., превысило аналогичный показатель за последние 20 лет [Ван Б., 2021: 15–17].

Обзор научной литературы по теме исследования выявил дефицит работ, посвященных конкретным страновым и региональным методам ведения публичной дипломатии КНР, в том числе на постсоветском пространстве, являющемся одним из ключевых элементов внешнеполитической стратегии России. В этой связи настоящая статья нацелена на выявление отличительных черт китайских программ публичной дипломатии в странах Центральной Азии (ЦА), а также анализ ее проблем и перспектив развития.

Ключевые этапы становления публичной дипломатии в Китае

Концепция «публичной дипломатии» впервые сформулировал в 1965 г. Э. Гуллион, декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флетчера при Университете Тафта (США). Он предложил следующее определение данного понятия: публичная дипломатия — это «измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияния на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты), и процесс межкультурных коммуникаций. <...> Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [Лукин, 2013]. По мнению Э. Гуллиона, под публичной дипломатией следует понимать «средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [Лукин, 2013].

Понятие «публичная дипломатия» в китайском научном дискурсе появилось сравнительно недавно. Первая монография, посвященная данному феномену, была опубликована в 2000 г. [Хань, 2000]. Активизация политики «мягкой силы» КНР на международной арене способствовала усилению интереса китайского академического сообщества к публичной дипломатии как главному инструменту ее реализации. В целом среди китайских исследователей существует

консенсус относительно содержания и ключевых принципов осуществления публичной дипломатии страны.

1. Основными субъектами публичной дипломатии являются правительство и различные уполномоченные организации, пользующиеся его доверием и поддержкой.

2. Целевой аудиторией публичной дипломатии выступает общественность, а не правительство другой страны.

3. Основная цель публичной дипломатии состоит в изменении общественного мнения в другом государстве, а также в создании условий для реализации собственных национальных интересов. Мероприятия в области публичной дипломатии осуществляются постепенно — в зависимости от приоритетности поставленных задач. Краткосрочной задачей является преодоление текущих трудностей и ситуаций взаимного недопонимания, возникающих в процессе взаимодействия представителей разных стран. Долгосрочные задачи связаны с формированием государственного имиджа и распространением культурных ценностей в другом государстве.

4. Методы осуществления публичной дипломатии разнообразны. Они включают распространение информации, гуманитарные обмены, взаимные визиты на высшем уровне, дипломатические PR-кампании и иные мероприятия [Хан, 2012: 8–10].

Современная китайская публичная дипломатия — это результат длительной эволюции теории и практики взаимодействия с зарубежной общественностью. Еще до возникновения соответствующего дискурса китайская публичная дипломатия существовала в форме зарубежной пропаганды. Во время японо-китайской войны Коммунистическая партия Китая (КПК) учредила группу международной пропаганды под руководством Чж. Эньлая, которая была призвана осуществлять меры, способствующие созданию единого антияпонского фронта.

После образования КНР китайское правительство столкнулось с необходимостью преодоления дипломатической изоляции, организованной западными странами. По этой причине Пекин придавал большое значение внешней пропаганде в форме так называемой народной дипломатии. В 1954 г. в целях поощрения образовательных и культурных обменов и контактов между гражданами социалистических государств было создано Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ; Чжунго жэньминь дуйвай юхао сехуэй). Одним из самых значительных достижений

«народной дипломатии» стала «пинг-понговая дипломатия» 1971–1972 гг., направленная на нормализацию отношений между США и КНР. В тот период китайская публичная дипломатия имела ярко выраженный идеологический характер.

После проведения «политики реформ и открытости» практика публичной дипломатии КНР стала более прагматичной, а ее идеологическая составляющая начала ослабевать. В апреле 1980 г. была создана Центральная группа внешней пропаганды (Чжунъян дуйвай сюаньцзуань сяоцзю), призванная координировать усилия китайского правительства в соответствующей области. В 1997 г. Отдел пропаганды ЦК КПК объявил о намерении заменить термин *propaganda* его эквивалентом на английском языке — *publicity*. Эти инициативы ознаменовали серьезный поворот в практике китайской публичной дипломатии — от односторонней пропаганды к диалогу с внешним миром [Чжун, Ван, 2006].

В 2004 г. при Департаменте информации Министерства иностранных дел КНР был создан Отдел публичной дипломатии (Гунгун вайцзяо чу), позднее, в 2009 г., реорганизованный в Бюро публичной дипломатии (Гунгун вайцзяо баньгунши). В 2012 г. в ходе работы XVIII Всекитайского съезда КПК впервые в официальный оборот была введена концепция «публичной дипломатии». Тогда же прозвучало требование «твердого продвижения публичной дипломатии и гуманитарных обменов»¹. Это событие показало, что публичная дипломатия стала ключевым компонентом внешней политики Китая.

Инициатива ОПОП, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан осенью 2013 г., существенно повлияла на развитие китайской публичной дипломатии. В своем выступлении лидер КНР заявил, что добиться успехов в международном сотрудничестве можно только за счет укрепления близости между народами (миньсиньсянтун): «...обязательно нужно получить народную поддержку, активизировать дружественные контакты наших народов, укрепить их взаимопонимание и традиционную дружбу»². В документе, опубликованном в 2015 г., правительство

¹ Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // Россия и Китай. 30.11.2012. Доступ: <https://ruchina.org/china-article/china/61.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 16.09.2013. Доступ: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 15.12.2022).

КНР перечислило конкретные действия, способствующие достижению «миньсиньсянтун»: увеличение числа культурных, образовательных, научных и кадровых обменов, а также расширение сотрудничества в сфере СМИ и туризма³. По мнению китайских специалистов, концепция «миньсиньсянтун» определила содержательное ядро современных подходов КНР к проблематике публичной дипломатии [Чжан Ян, Чжан Яо, 2016: 7].

Подчеркнутое внимание к публичной дипломатии на официальном уровне отразилось и на динамике научных исследований в данной сфере. Так, по приблизительным подсчетам автора, в период с 1990-х годов до 2022 г. в китайскую наукометрическую базу China National Knowledge Infrastructure⁴ было внесено более 7200 научных статей, содержащих ключевое слово «публичная дипломатия», причем 68,4% из них были опубликованы в течение последних 9 лет.

При этом публикация дорожной карты ОПОП естественным образом означала существенную активизацию публичной дипломатии КНР прежде всего в странах, потенциально вовлеченных в данную транснациональную инициативу.

Контекст активизации китайской публичной дипломатии в Центральной Азии

Благодаря богатым запасам энергоресурсов, уникальному геополитическому положению в качестве «моста» между Азией и Европой и близости к центрам мировой политики страны ЦА — Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан — с момента обретения ими независимости привлекают внимание мировых держав и иных региональных игроков.

Особое место ЦА занимает и во внешней стратегии КНР в XXI в. В последние два десятилетия Китай наращивал взаимодействие с государствами региона в сфере энергетики и безопасности.

Казахстан, Киргизия и Таджикистан имеют общую границу с северо-западным регионом Китая — СУАР. Общая протяженность

³ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и Морского «Шелкового пути XXI века» // Официальный сайт посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 23.04.2015. Доступ: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ggl/201504/t20150423_2961643.htm (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ China National Knowledge Infrastructure. Official website. Available at: <https://en.cnki.com.cn/> (accessed: 15.12.2022).

этой границы насчитывает более 3000 км, что составляет 1/7 часть сухопутной границы КНР.

Китаю необходимо тратить значительные средства на обеспечение безопасности этих границ, внимательно следить за военной и политической обстановкой для предотвращения формирования военно-политических блоков, угрожающих интересам Пекина в ЦА. КНР выступает против расширения присутствия внешних сил (в первую очередь НАТО) в регионе [Чжао Х., 2007], поскольку опасается, что они могут, например, воспользоваться условиями недостаточной защищенности указанных границ в целях перевозки запрещенных товаров, предоставления убежища преступным группировкам и создания тренировочных лагерей террористов [Гулиачжати, 2014]. Силы «трех зол» (Саньгу шили) — терроризма, радикализма и сепаратизма — представляют особую угрозу безопасности и стабильности СУАР.

На момент публикации настоящего исследования Китай достиг значительных успехов в деле укрепления сотрудничества с государствами региона по вопросам безопасности границ и борьбы с терроризмом. Вместе с тем наблюдаются проблемы с мобилизацией общественного мнения в странах ЦА в поддержку данных усилий, что представляет угрозу национальным интересам КНР.

По некоторым данным, около 46 тыс. уйгуров и 70 тыс. дунган расселены в Киргизии, а в Казахстане проживают приблизительно 300 тыс. уйгуров [Laruelle, Peyrouse, 2012: 21; Nicholas, 2013: 22], причем представители указанных диаспор зачастую негативно относятся к китайской политике в СУАР. Отмечается, что многие казахские уйгуры выступают против дискриминации прав этноконфессиональных меньшинств в этой провинции [Мавлонова, 2015]. Граждане некоторых центральноазиатских государств (особенно Казахстана и Киргизии), как правило, выражают солидарность со своими единовверцами по широкому кругу вопросов [Узбеков, Курманов, 2014]. Недоверие общественности стран ЦА к китайской национальной политике является одним из факторов роста сепаратистских настроений в СУАР. Таким образом, публичная дипломатия, будучи главным инструментом укрепления доверия и взаимопонимания за рубежом [Тан, 2006], становится неотъемлемой частью центральноазиатского вектора внешней политики Китая.

За последние два десятилетия КНР стала крупнейшим торговым партнером стран ЦА. Совокупный товарооборот в указанный пе-

риод вырос в 25 раз — с 1,5 млрд долл. в 2000 г. до 38,6 млрд долл. в 2020 г. Китайские инвестиции в экономику государств региона составили 40 млрд долл. по состоянию на четвертый квартал 2020 г. В конце 2021 г. в странах ЦА функционировали 7700 китайских фирм⁵.

На фоне расширения китайской экономики увеличивается и значение центральноазиатских государств в качестве поставщиков, способных удовлетворить растущий спрос КНР на энергоресурсы. Пекин участвует в реализации шести проектов по разведке и разработке нефтяных месторождений в Казахстане. К 2019 г. по Казахстанско-китайскому нефтепроводу в Поднебесную транспортировалось более 130 млн тонн сырой нефти⁶. В 2014 г. была введена в эксплуатацию третья линия газопровода «Китай — Центральная Азия», проходящего через Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. В 2021 г. Ашхабад поставлял в КНР 34 млрд кубометров газа, сохраняя второе место по объемам экспорта природного газа в Китай⁷.

Рост присутствия капитала и рабочей силы из Китая на центральноазиатских рынках и увеличение объемов кредитования стран региона способствуют распространению синофобии среди местного населения. В 2016 г. правительство Казахстана приняло поправки в Земельный кодекс, разрешающие продление срока аренды земли иностранными инвесторами с 10 до 25 лет. Частью населения эта поправка была воспринята как разрешение продавать земли иностранцам, в первую очередь китайцам, что привело к массовым протестам против подобных законодательных изменений⁸. Осенью 2019 г. по городам Казахстана прокатилась волна антикитайских митингов. Поводом стал слух о планах переноса в Казахстан 55 старых

⁵ Куменов А. Китай обещает нарастить инвестиции в Центральную Азию // Eurasianet. 26.06.2022. Доступ: <https://russian.eurasianet.org/китай-обещает-нарастить-инвестиции-в-центральную-азию> (дата обращения: 15.12.2022).

⁶ Почти 11 млн тонн нефти получил Китай из Казахстана в 2019 году // Oilcapital.ru. 21.01.2020. Доступ: <https://oilcapital.ru/news/2020-01-21/pochti-11-mln-tonn-nefti-poluchil-kitay-iz-kazahstana-v-2019-godu-1040084> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Опубликованы данные об объемах экспорта туркменского газа в Китай // Агентство экономической информации «Прайм». 06.01.2022. Доступ: <https://https://1prime.ru/gas/20220106/835700592.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁸ Лян Ф. Хасакэсытань тудифасючжэньгань иньминьчжунканьги, буфэньжэньканьгичжунго «цзудикочжан» [Поправки к земельному законодательству Казахстана вызвали протесты, некоторые люди выступили против «расширения аренды земли Китаем»] // Гуанча. 18.05.2016. Доступ: https://www.guancha.cn/Neighbors/2016_05_18_360724.shtml (дата обращения: 20.10.2022). (На кит. яз.)

китайских заводов⁹. На этом фоне возрастает значимость публичной дипломатии КНР в качестве способа популяризации внешнеполитических целей государства, а также средства преодоления негативных стереотипов и конструирования устойчивых отношений с целевыми группами в ЦА [Рустамова, Бахриев, 2020].

Осуществление публичной дипломатии КНР в странах Центральной Азии на современном этапе

Публичная дипломатия охватывает широкий круг тематических направлений. Китайский исследователь Ф. Хан отмечает, что публичную дипломатию в зависимости от механизмов ее реализации можно разделить на три направления: PR-дипломатию (public relation diplomacy), находящуюся под непосредственным руководством правительства, СМИ-дипломатию и гуманитарную дипломатию [Хан, 2012].

PR-дипломатия (Гунгунвань вайцзяо). Цели PR-дипломатии состоят в том, чтобы создать положительный государственный имидж Китая у местного населения, укрепить «мягкую силу» КНР в регионе и устранить неверные представления о стране. Существуют три субъекта PR-дипломатии КНР в ЦА: лидеры государств, местные правительства и китайские посольства в государствах региона.

Эффективным инструментом публичной дипломатии считаются государственные визиты: с их помощью можно непосредственно контактировать с местным населением и СМИ и таким образом влиять на общественное мнение в другой стране [Гунгунваньцзяо яньцзю, 2018: 137].

За последнее десятилетие число визитов лидеров КНР в центральноазиатские государства увеличилось. Си Цзиньпин, например, совершил девять визитов в страны региона с момента прихода к власти. В сентябре 2013 г. он посетил Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан. Перед приездом он дал интервью местным СМИ, изложив свой взгляд на развитие взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и перспективы двусторонних экономических и политических отношений КНР со странами региона¹⁰.

⁹ В Жанаозене собрался антикитайский митинг с жалобами на низкие зарплаты // Фергана. 10.09.2019. Доступ: <https://fergana.media/news/110651/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Си Цзиньпин чуфан чжунъя сыго [Си Цзиньпин посетил четыре страны Центральной Азии] // Синьхуа. 13.09.2013. Доступ: <http://www.xinhuanet.com/world/2013xjrcf/09/> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

Во время визита в Казахстан Си Цзиньпин выступил с докладом. Он высоко оценил крепкую дружбу между странами, пообещав предоставить 30 тыс. квот на государственную стипендию студентам и молодым ученым из государств — членов ШОС в течение следующих 10 лет¹¹. Кроме того, во время своего визита в страны ЦА китайский лидер принял участие в более чем 20 мероприятиях, включая встречи с представителями деловых кругов, возложение венков к памятнику защитникам Родины в Казахстане и посещение Олий Мажлиса (парламента) Узбекистана. 13 сентября 2022 г. председатель КНР совершил первый с момента начала пандемии COVID-19 государственный визит в Узбекистан и Казахстан, а также принял участие в саммите ШОС, проходившем 15–16 сентября в Самарканде. В ходе визита в Узбекистан и Казахстан Си Цзиньпин опубликовал в СМИ двух стран авторские статьи под названиями «Вместе создать прекрасное будущее китайско-узбекских отношений» и «Продолжить традицию китайско-казахстанских отношений и открыть новые возможности»¹². Активные действия китайского лидера продемонстрировали его личную харизму и способствовали распространению проверенной информации о Китае, формированию его позитивного имиджа в ЦА.

Помимо лидера государства важную роль в реализации публичной дипломатии Китая в странах региона играют китайские послы. В целях распространения традиционной китайской культуры в ЦА и налаживания контактов между народами посольства КНР организуют различные культурные мероприятия: выставки, концерты и спектакли. Так, с 2010 г. Министерство культуры КНР в сотрудничестве с посольствами ежегодно проводит в странах ЦА серию мероприятий «Веселый праздник весны» (Хуаньлэ чуньцзе). Китайские послы и дипломатические сотрудники активно работают с местными СМИ: дают интервью, зачитывают официальные письма.

¹¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 16.09.2013. Доступ: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Узбекистана авторскую статью // Uzdaily. 13.09.2022. Доступ: <https://uzdaily.uz/ru/post/71660> (дата обращения: 15.12.2022); Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Казахстана авторскую статью // Синьхуа Новости. 13.09.2022. Доступ: <https://russian.news.cn/20220913/6c717e2fb56042c5a575933ac1a86ca1/c.html> (дата обращения: 15.12.2022).

Китайские дипломаты всеми способами стремятся продемонстрировать дружественный, добрососедский характер политики Пекина в регионе. Представители КНР объясняют аудитории центрально-азиатских стран позицию Китая по основным вопросам, имеющим отношение к интересам местного населения. Эта деятельность призвана помочь правительству КНР завоевать доверие жителей стран ЦА и устранить конфликты, возникающие на почве недопонимания.

После объявления инициативы ОПОП власти Китая стали принимать более активное участие в публичной дипломатии, используя различные двусторонние каналы взаимодействия с иностранной аудиторией. По данным официального сайта МИД КНР, к 2021 г. восемь китайских городов установили дружественные отношения с таджикскими городами; в Казахстане их число достигло 19, в Киргизии — 22¹³. Делегации из Синьцзяна, Чунцина, Шаньси и других провинций Китая неоднократно посещали страны ЦА и проводили в них различные мероприятия (например, «Синьцзянскую неделю культуры», «Кулинарный фестиваль Китая») в целях знакомства местного населения с китайской культурой и формирования положительного государственного имиджа КНР. В период с 2012 по 2021 г. было проведено восемь заседаний Форума сотрудничества «Китай — Центральная Азия». Очередная встреча прошла в китайском городе Ланьчжоу¹⁴. Данные мероприятия продемонстрировали на самом высоком уровне приверженность сторон принципам укрепления дружбы, взаимопонимания и регионального сотрудничества. Активное участие местных органов власти в публичной дипломатии КНР в ЦА не только укрепило связи между народами региона, но и способствовало развитию конкретных городов.

СМИ-дипломатия (Мэйти вайцзяо). Китайский исследователь К. Чжао понимает под СМИ-дипломатией любую деятельность СМИ, находящуюся под контролем или влиянием правительства. Ее

¹³ Чжунго тун цзиэрцзисысытань дэ гуаньси [Отношения между Китаем и Кыргызстаном] // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676548/sbgx_676552/ (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

¹⁴ Состоялся VIII Форум сотрудничества Китай — Центральная Азия на тему «Укрепление солидарности и сотрудничества во имя совместной безопасности и развития» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Киргизской Республики. 19.10.2021. Доступ: <https://mfa.gov.kg/ru/zhogorku-menyu/press-kyzmaty/novosti/616e90a3797b4#:~:text=16-17%20октября%202021%20года%20в,народов%20и%20углубление%20международного%20взаимодействия> (дата обращения: 15.12.2022).

цель — воздействие на общественное мнение и поведение граждан (а косвенно — на лиц, принимающих решения) в других странах. СМИ при этом выступают посредником между правительством и иностранной общественностью, которые находятся на разных полюсах канала коммуникации [Чжао К., 2007: 89]. Действия китайских СМИ на территории стран ЦА могут рассматриваться как пример практической реализации этого подхода.

В 1954 г. Международное радио Китая (МРК) открыло первый русскоязычный радиоканал для слушателей в странах ЦА (бывших республиках СССР). После резкого охлаждения советско-китайских отношений в середине 1950-х годов МРК стало транслировать свои программы напрямую из Пекина в центральноазиатские государства. Основу инноваций составляли революционные песни и анти-советская пропаганда. В 2006 г. по кабельной сети в Казахстане и Киргизии стали транслировать ряд каналов («Первый», «Второй», «Четвертый» и «Девятый») Центрального телевидения Китая (CCTV) [Цзяо, 2014]. В сентябре 2009 г. открылся русскоязычный канал CCTV¹⁵. В 2014 г. для казахстанских пользователей МРК выпустило новое мобильное приложение на казахском языке «Узнай Китай — Новый Шелковый путь» (Жаңа Жібек жолы)¹⁶. Оно стало первым в КНР мобильным приложением, адресованным непосредственно казахстанским пользователям.

Говоря об этом направлении публичной дипломатии Пекина, следует подчеркнуть особую роль местных (в первую очередь синьцзянских) СМИ. Благодаря географической близости и общим историческим корням СУАР занимает важное место в публичной дипломатии КНР в ЦА. В августе и октябре 2004 г. программа синьцзянского телевидения «Китай сегодня» на уйгурском и киргизском языках транслировалась по государственному телевидению Узбекистана и Киргизии [Цзяо, 2014: 110]. В январе 2006 г. по сети кабельного телевидения Бишкека вещали «Первый», «Второй», «Третий» и «Десятый» каналы синьцзянского телевидения. В 2008 г. синьцзянское Бюро

¹⁵ Телеканал — «CCTV Russia» // NGT Россия. Доступ: <https://видеостены.рф/ru/projects/telekanal-cctv-russia/#:~:text=Телеканал%20%22CCTV%20Russian%22%20-%20Международный,канала%3A%20CCTV-HD%20—%20высокой%20четкости> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Запуск мобильного приложения «Узнай Китай — Новый Шелковый путь» // Kazinform. 29.12.2014. Доступ: https://www.inform.kz/cn/article_a2732378 (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

радио, кино и телевидения подписало соглашение о сотрудничестве с киргизской телекомпанией «ЭлТР», согласно которому с 1 октября 2008 г. в эфир стала выходить одночасовая телепрограмма на киргизском языке «Путешествие по Китаю» [Цзяо, 2014: 110].

В 2015 г. в рамках ОПОП правительство КНР запустило масштабный проект под названием «Телевизионный мост Шелкового пути»¹⁷ (Сычоучжилу инши цяо). Его цель — охват центральноазиатского рынка высококачественной китайской мультимедийной продукцией, включая сериалы, фильмы и мультфильмы, в целях повышения информированности населения стран региона о менталитете Китая и особенностях китайской культуры.

Параллельно с практикой одностороннего иновещания китайская СМИ-дипломатия всё больше взаимодействует непосредственно с общественностью в странах ЦА. Так, известный казахский певец Д. Кудайберген, участвуя в китайских музыкальных конкурсах и шоу, получил немалое количество поклонников в КНР. В то же время его выступления на китайской эстраде способствовали формированию положительного образа Поднебесной у населения стран ЦА. Некоторые исследователи полагают, что фигура Д. Кудайбергена помогает правительству КНР выставить инициативу ОПОП в выгодном свете перед общественностью государств региона [Custer et al., 2019: 47].

Гуманитарная дипломатия (Жэньвэнь вайцзяо) Китая в ЦА основана на разнообразных культурных проектах, организованных правительством КНР и Институтами Конфуция.

В 2005 г. китайское правительство утвердило Национальную стратегию по распространению китайского языка в других странах [Цзи, 2016]. В рамках этой программы Государственный совет КНР разработал проект «Мост китайского языка» и учредил Канцелярию Международного Совета китайского языка (Ханьбань). В задачи последней входят предоставление услуг по развитию международного китайского языкового образования, координация лингвистического сотрудничества КНР с другими странами, создание глобальной сис-

¹⁷ Сычоучжилуиншицяогунчэн цзайцинцидун [Проект «Телевизионный мост Шелкового пути» запускается в Пекине] // CCTV-13. 20.03.2015. Доступ: <http://tv.cctv.com/2015/03/20/VIDE1426806957789596.shtml> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

темы обучения китайскому языку и организация международных экзаменов¹⁸.

Главным инструментом реализации данной стратегии являются Институты Конфуция. Согласно собственному уставу они должны способствовать росту понимания различных аспектов китайской культуры во всем мире и развивать дружеские отношения Китая с другими странами¹⁹. В 2005 г. при поддержке Университета Ланьчжоу был создан Институт Конфуция в Ташкенте — первое такое учреждение в ЦА. В 2006 и 2007 гг. Институты Конфуция были открыты в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. По последним данным, в регионе насчитывается 13 Институтов Конфуция, 5 из которых расположены в Казахстане, 4 — в Киргизии, по 2 — в Таджикистане и Узбекистане²⁰.

Деятельность Институтов в ЦА включает преподавание китайского языка, организацию экзаменов HSK²¹, проведение различных языковых конкурсов, составление учебных и учебно-методических пособий, подготовку местных учителей и иные мероприятия. Институты Конфуция добились заметных результатов: только в Киргизии около 4000 студентов изучают китайский язык в 4 Институтах и 21 классе Конфуция²². Наряду с традиционной образовательной деятельностью Институты при поддержке дипломатического представительства КНР в Ташкенте спонсируют ряд академических мероприятий в области китаеведения. Отмечается, что указанные мероприятия повысили интерес узбекского научного сообщества к

¹⁸ Чжунсинь цзяньцзе [Знакомство с центром] // Официальный сайт Центра языкового образования и сотрудничества. Доступ: <http://www.chinese.cn/page/#/rspace/publicinfodetail?id=140> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

¹⁹ Кунцзысюэюань чжанчэн [Устав Института Конфуция] // Официальный сайт Института международного образования Хайнаньского университета. Доступ: <https://hd.hainanu.edu.cn/gjyy/info/1233/2887.htm> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²⁰ Цюаньцю 146 гоцяя (дицуй) кунцзысюэюань хэ кунцзыкэтань дэ фэньбу [Распространение институтов и классов Конфуция в 146 странах (регионах) мира] // Sina. Доступ: https://k.sina.cn/article_6010826802_16645f03200100a515.html (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²¹ HSK (Ханьюй Шуйпин Каоши) — стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку для лиц, не являющихся носителями китайского языка.

²² В школах Центральной Азии интенсивно учат китайский, все больше отдаляясь от советского прошлого // CentralAsia.news. 27.12.2021. Доступ: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/12/27/feature-01 (дата обращения: 15.12.2022).

инициативе ОПОП [Exnerová, 2021: 74–76]. Работа центральноазиатских филиалов Института Конфуция во многом способствовала повышению интереса местных жителей к языку и культуре Китая, а также оказала положительное влияние на имидж КНР в регионе.

Важным компонентом гуманитарной дипломатии КНР в ЦА является программа стипендий правительства КНР. Благодаря этому проекту многие студенты из стран региона с низким уровнем доходов получили возможность обучаться в китайских университетах. В последние годы Пекин увеличил квоты на обучение иностранных студентов в рамках этой программы. В 2012 г. число иностранных учащихся, получивших финансовую поддержку, составило 28 768 человек, а в 2014 г. выросло до 36 943 человек²³. Увеличение квот на стипендии способствовало росту числа студентов из ЦА, обучающихся в Китае. В 2014 г. в КНР обучались около 9 тыс. студентов из Казахстана. В 2016 г. этот показатель достиг 13 тыс. человек, и планировалось довести его до 20 тыс. к 2020 г.²⁴ В феврале 2020 г. генеральный консул КНР в Алма-Ате Л. Гэн заявила, что в КНР обучались 15 тыс. студентов из Казахстана²⁵.

Гуманитарная дипломатия Китая в государствах ЦА также опирается на программы научного сотрудничества. Ведение активного диалога и опыт реализации совместных проектов позволяют китайским научным институтам организовывать академические обмены в странах ЦА, при этом зачастую китайские вузы в регионе рассматриваются в качестве движущей силы исследований и инноваций. Например, в 2016–2017 гг. аналитический центр Китайского народного университета (Пекин) неоднократно проводил диалоги с коллегами из Казахстана по сопряжению ОПОП и Государственной программы

²³ 2018 нянь лайхуаюлюэтуңци [Статистика по числу иностранных студентов в Китае в 2018 г.] // Официальный сайт Министерства образования КНР. Доступ: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²⁴ Увеличить количество студентов из Казахстана в вузах КНР до 20 тыс. к 2020 году намерены в Ассоциации университетов стран Шелкового пути // Экспресс КЗ. 24.12.2016. Доступ: <https://exk.kz/news/75616/uvielichit-kolichiestvo-studentov-iz-kazakhstanana-v-vuzakh-knr-do-20-tys-k-2020-ghodu-n> (дата обращения: 15.12.2022).

²⁵ За последние годы число казахстанских студентов, обучающихся в Китае, превысило 11 тысяч // Inbusiness.kz. 15.11.2022. Доступ: <https://inbusiness.kz/ru/news/za-poslednie-gody-chislo-kazahstanskih-studentov-obuchayushihhsya-v-kitae-prevysilo-11-tysyach> (дата обращения: 15.12.2022).

инфраструктурного развития Республики Казахстан «Нұрлы жол» [Чжан, 2019].

Публичная дипломатия Китая в Центральной Азии: риски и вызовы

Несмотря на конкретные достижения в области культуры, науки, образования и СМИ, публичная дипломатия КНР в ЦА сталкивается с серьезными вызовами. В 2022 г. были опубликованы результаты опроса жителей Казахстана, Узбекистана и Киргизии, которые показали, что в период с 2017 по 2021 г. отношение к Китаю и китайским инвестициям в экономику стран ЦА стабильно ухудшалось. Особенно ярко эта тенденция проявилась в Казахстане, где по статистике в 2021 г. более 70% респондентов выступили против китайских энергетических и инфраструктурных проектов на территории своего государства²⁶. Рассмотрим ключевые проблемы китайской публичной дипломатии на современном этапе.

Во-первых, публичная дипломатия КНР в ЦА опирается преимущественно на правительственные институты и организации, находящиеся под влиянием государства, а механизмы «новой публичной дипломатии» остаются недоиспользованными. По мнению исследователя Нидерландского института международных отношений Клингедаля Я. Мелиссена, «новая публичная дипломатия» представляет собой следующий этап в эволюции практики публичной дипломатии. Она осуществляется негосударственными акторами, которые налаживают контакты с иностранной аудиторией посредством создания диалоговых форматов коммуникации (в отличие от традиционной односторонней передачи информации) [Melissen, 2005: 6]. По сравнению с официальными акторами позиция неправительственных организаций (НПО) более доступна для граждан и имеет менее выраженный идеологический характер. Однако на территории стран ЦА (в особенности в Казахстане) функционирует несопоставимо больше американских, нежели китайских, НПО. Иностранное финансирование получают примерно 200 НПО Казахстана, причем 70% этих средств выделяют США²⁷. Исключение на этом фоне

²⁶ Woods E., Baker T. Public opinion on China waning in Central Asia // The Diplomat. 05.05.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/05/public-opinion-on-china-waning-in-central-asia/> (accessed: 15.12.2022).

²⁷ Самым крупным иностранным донором казахстанских НПО являются США // EurAsia Daily. 28.11.2018. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/28/>

составляет китайское академическое сообщество, которое уделяет всё больше внимания сотрудничеству с НПО и транснациональными корпорациями при выстраивании контактов с зарубежной общественностью.

Во-вторых, остается в значительной степени недоиспользованным и потенциал коммерческих компаний, зарекомендовавших себя в качестве надежных деловых партнеров. В целях повышения влияния бренда и привлечения новых клиентов некоторые китайские компании активно взаимодействуют с местным населением. В странах ЦА подобная деятельность либо слабо выражена, либо сопряжена с негативным опытом прошлых лет, который способствует формированию антикитайских настроений и стереотипов. Так, в 2019 г. китайская золотодобывающая компания «Чжунцзи» столкнулась с масштабным антикитайским выступлением в Нарынской области Киргизии. В августе того года произошли столкновения между китайскими рабочими «Чжунцзи» и местными жителями, в результате которых двое киргизов оказались в больнице с травмами различной степени тяжести²⁸.

В-третьих, КНР сталкивается с активной конкуренцией в области публичной дипломатии со стороны других игроков в регионе: РФ, США, ЕС и Турции. Более того, их инвестиции в публичную дипломатию превышают аналогичный китайский вклад на эти же нужды. Например, в странах ЦА уже действуют 17 филиалов и учебно-воспитательных учреждений российских вузов, тогда как у Китая нет ни одного такого представительства в регионе [Fominykh, 2017]. По различным данным, в 2017 г. в России обучались около 70 тыс. граждан Казахстана, 20 тыс. граждан Таджикистана, 16 тыс. граждан Киргизии и около 17 тыс. граждан Узбекистана [Мураталиева, 2017], что в 4–5 раз больше, чем число студентов из этих стран, желающих обучаться в Китае.

В-четвертых, не в полной мере реализуется потенциал сетевых сервисов Web 2.0 (социальные сети, блоги, видеохостинги), которые успели зарекомендовать себя как новые инструменты публичной

самым-krupnym-inostrannym-donorom-kazahstanskih-npo-yavlyayutsya-ssha (дата обращения: 15.12.2022).

²⁸ Зуенко И., Кулинцев Ю., Мукамбаев А., Рахимов К. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. № 6. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/antikitajskie-protesty-postsovet/> (дата обращения: 15.12.2022).

дипломатии. В 2008 г. заместитель госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии и общественным делам Дж.К. Глассман впервые употребил термин «публичная дипломатия 2.0», под которым понимается новый подход к выстраиванию коммуникации²⁹. По данным за 2018 г., в странах ЦА интернетом пользуются около 36 млн человек (приблизительно 68% всего населения региона)³⁰, являющихся целевой аудиторией для публичной дипломатии США, России и в меньшей степени — Китая.

Следует отметить, что в последние годы КНР стала более активно использовать цифровые технологии в ходе проведения публичной дипломатии. Согласно статистике количество аккаунтов в «Твиттере», открытых официальными лицами МИД КНР в период с 2019 по 2020 г., превышает число аккаунтов, созданных в предыдущие годы, при этом их пользователи более активны, чем в прошлом [Ван Б., 2021: 15–17]. Помимо органов государственной власти всё больше в кампании «новой публичной дипломатии» вовлекаются лидеры общественного мнения, и, как показывают исследования, информация, переданная по неправительственным каналам, скорее способствует улучшению китайского национального имиджа [Whyke et al., 2022]. Тем не менее, как представляется, публичная дипломатия КНР в странах ЦА еще не прошла в полной мере цифровую трансформацию. В пользу этого вывода говорит хотя бы то, что кроме посольства КНР в Казахстане нет ни одного другого китайского дипломатического учреждения в регионе, которое имело бы аккаунт в социальных сетях. Для сравнения, каждое посольство РФ в странах ЦА имеет по крайней мере один аккаунт в социальных сетях и регулярно обновляет информацию.

Российские и американские СМИ также активно пользуются интернетом для взаимодействия с зарубежной общественностью. Такие каналы, как «РТ», «Спутник», «Радио Свобода», либо организовали на своих веб-сайтах специальные разделы, посвященные текущей обстановке в странах ЦА, либо учредили региональные информационные агентства, например «Азатлык: Туркменистан»

²⁹ Glassman J.K. Public diplomacy 2.0: A new approach to global engagement // U.S. Department of State (Archive). 03.12.2008. Available at: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (accessed: 15.12.2022).

³⁰ Цифровая Центральная Азия. Часть 1. Доступ к интернету // Central Asian Analytical Network. 19.03.2018. Доступ: <https://www.caa-network.org/archives/12646> (дата обращения: 15.12.2022).

и «Sputnik. Казахстан». Основные китайские СМИ пока, однако, не проявили интереса к интернет-пространству Центральной Азии.

* * *

В последние два десятилетия КНР значительно укрепила свое политическое и экономическое присутствие в регионе ЦА, что, однако, спровоцировало рост антикитайских настроений среди местного населения. В целях формирования положительного государственного имиджа и устранения синофобии КНР стала уделять особое внимание публичной дипломатии в этих странах. Благодаря большим финансовым вложениям и активной работе официальных представительств и отдельных лиц (в особенности после выдвижения Китаем инициативы ОПОП) китайская публичная дипломатия в ЦА смогла достичь ряда положительных результатов. Вместе с тем она продолжает сталкиваться с вызовами, связанными как с недостаточным использованием потенциала негосударственных акторов, так и с растущей конкуренцией со стороны других держав. От решения этих проблем зависят перспективы развития публичной дипломатии КНР в центральноазиатских государствах. В сложившейся ситуации мы считаем целесообразным обратить внимание на следующие меры, направленные на повышение конкурентоспособности и эффективности публичной дипломатии КНР в регионе.

Во-первых, требуется последовательное укрепление гуманитарных связей, сформированных за последние два десятилетия. На этом направлении необходимо: приложить усилия по повышению популярности китайского языка; увеличить количество Институтов Конфуция в центральноазиатских университетах и расширить масштабы их деятельности; улучшить процесс обучения китайскому языку жителей ЦА, особенно среди молодежи; расширить каналы коммуникации с представителями гражданского общества; увеличить квоты на стипендии для студентов из стран региона.

Во-вторых, необходимо повысить роль китайских коммерческих предприятий в вопросах публичной дипломатии КНР в центральноазиатских государствах. По состоянию на конец 2021 г. в ЦА функционировали более 7700 китайских фирм³¹, являющихся

³¹ Хуррамов Х. Старый новый Си. Что означает переизбрание Си Цзиньпина для региона и Таджикистана? // TopTJ.com. 11.04.2022. Доступ: <https://www.toptj.com/News/2022/11/04/staruy-novyy-si-chto-oznachaet-pereizbranie-si-czinpina-dlya-regiona-i-tadzhikistana> (дата обращения: 15.12.2022).

фактором экономического влияния Китая в регионе, но играющих незначительную роль в публичной дипломатии. Китайским компаниям при государственной поддержке рекомендуется брать на себя социальную ответственность, активно взаимодействовать с региональными сообществами, финансировать благотворительную деятельность, бесплатно строить школы, проводить кампании по защите окружающей среды, гарантировать благосостояние сотрудников из числа местного населения.

В-третьих, особое внимание при реализации программ публичной дипломатии следует уделять цифровым технологиям. Благодаря своей сетевой природе «новые медиа» позволяют дипломатам организовать полноценный диалоговый формат коммуникации и избежать использования таких приемов и техник, которые могут восприниматься местным населением как дезинформация или пропаганда. Правительство КНР, в частности, могло бы оказывать поддержку китайским цифровым продуктам (Wechat, TikTok), устраняя для них административные барьеры при доступе к рынкам стран ЦА и помогая талантливым пользователям данных приложений в создании информационных материалов, выставляющих Китай, его общество и культуру в положительном или по крайней мере нейтральном свете.

В целом можно заключить, что на фоне углубления экономического и политического сотрудничества между Китаем и странами ЦА центральноазиатский вектор китайской публичной дипломатии будет приобретать всё большую значимость, несмотря на эндогенные и экзогенные факторы, препятствующие эффективному взаимодействию с зарубежной общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11.

2. Ван Б. Чжунго вайцзяобумэнь дэ туйтэ гунгунвайцзяо яньцзю [Исследование по использованию инструментов публичной Твиттер-дипломатии в дипломатической службе Китая]: Дисс. ... магистра полит. наук. Пекин: Китайский университет иностранных дел, 2021. (На кит. яз.)

3. Ван Ц. Особенности публичной дипломатии китайской народной республики (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2021. № 21 (44). С. 67–80. DOI: 10.48612/rg/RGW.21.17.

4. Гулиачжати Т. «Дунту» Кунбуходун дэ гоцзиньсу цзи юйфанцоши [Международные факторы террористической деятельности «Восточного Туркестана» и меры противодействия им] // Алабо шицзе яньцзю. 2014. № 4. С. 55–67. (На кит. яз.)

5. Гунгунвайцзяо яньцзю [Исследование по публичной дипломатии] / Под ред. Д. Лю. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2018. (На кит. яз.)

6. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112.

7. Лай Л. Медиаобраз первой леди как элемент «мягкой силы» в публичной дипломатии Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 3. С. 455–465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312.

8. Лукин А. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831> (accessed: 20.10.2022).

9. Мавлонова А.С. Роль уйгурской диаспоры за рубежом в борьбе за независимость Синьцзяна // Вестник РУДН. Международные отношения. 2015. № 1. С. 169–176.

10. Мураталиева З.Т. «Soft power» России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 121–128.

11. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Германии: прошлое и настоящее // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 133–145. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.33457.

12. Рустамова Л.Р., Бахриев Б.Х. Особенности публичной дипломатии Европейского союза в Центральной Азии // Политика: анализ, хроника, прогноз. 2020. № 3 (98). С. 165–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-165-180.

13. Тан С. Чжунго гунгунвайцзяо дэ фачжань цзици тисигоуцзянь [Развитие и системное строительство китайской публичной дипломатии] // Сяньдай гоцзигуаньси. 2006. № 2. С. 42–46. (На кит. яз.)

14. Узбеков Д., Курманов З. Уйгуры как актер политического процесса в Кыргызской Республике // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 2. С. 148–157.

15. Хан Ф. Гунгунвайцзяо гайлунь [Введение в публичную дипломатию]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. (На кит. яз.)

16. Хань Ч. Чукоу мэйго: мэйго синьвэньчу юй мэиго гонггонгваицзиао [Экспортирование Америки: ЮСИА и американская публичная дипломатия]. Тяньцзинь: Народное издательство, 2000. (На кит. яз.)

17. Цзи С. Ханьюй гоцзи туйгуан чжаньюэ яньцзю [Исследование по глобальной стратегии распространения китайского языка] // Аньхуэй вэньсюэ. 2016. № 7. С. 155–156. (На кит. яз.)

18. Цзяо Ж. Чжунго синьцзян чжулю мэйти чжунъячуаньбошоучжунской цю яньцзю [Исследование опросов аудиторий главных СМИ Синьцзяна в Центральной Азии] // Синьцзян шифан дасюэ сюэбао. 2014. № 5. С. 110–116. (На кит. яз.)

19. Чжан Х. Идайилу бэйцинся чжунго дуй хасакэсытань дэ гунгунвайцзю [Общественная дипломатия Китая с Казахстаном в контексте «Одного пояса, одного пути»] // Гунгунвайцзю цзикань. 2019. № 2. С. 80. (На кит. яз.)

20. Чжан Ян, Чжан Яо. Миньсиньсянтун дэ мэйтилуцинъ юй цзяньгоу — дуйфэйчжоусиньгунгунвайцзю дэ сыкао [Медиапути и установление контактов между людьми — размышления о новой публичной дипломатии в Африке] // Дуйвайхжуаньбо. 2016. № 4. С. 7–9. (На кит. яз.)

21. Чжао К. Гунгунвайцзю дэ лилунъ юй шицзянь [Теория и практика публичной дипломатии]. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2007. (На кит. яз.)

22. Чжао Х. Чжунгоу дэ чжунъявайцзю: лилунъ юй шицзянь [Дипломатия Китая в Центральной Азии: теория и практика] // Гоци вэньтияньцзю. 2007. № 4. С. 30–52. (На кит. яз.)

23. Чжун Л., Ван Ц. Чжунго гунгунвайцзю дэ яньцзинь: нэйжунъ юй синши [Эволюция публичной дипломатии Китая: содержание и форма] // Вайцзюопинлунъ. 2006. № 3. С. 64–69. (На кит. яз.)

24. Custer S., Schon J., Horigoshi A. et al. Corridors of power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk road. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Corridors_of_Power.pdf (accessed: 20.10.2022).

25. Custer S., Sethi T., Solis J. et al. Silk road diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2019. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Report.pdf (accessed: 20.10.2022).

26. Exnerová V. China's 'Silk road' public diplomacy in Central Asia: Rethinking the 'network' approach to the study of public diplomacy and its instrumentalism // Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared / Ed. by J. Ptáčková, O. Klimeš, G. Rawnsley. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. P. 65–87.

27. Fominykh A. Russia's public diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The role of the universities // The Hague Journal of Diplomacy. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 56–85. DOI: 10.1163/1871191X-12341350.

28. Klimeš O. Xinjiang in China's public diplomacy in Central Asia: Case study of Almaty // Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared / Ed. by J. Ptáčková, O. Klimeš, G. Rawnsley. Singapore, Palgrave Macmillan, 2021. P. 35–63.

29. Kobierecka A. Post-COVID China: 'Vaccine diplomacy' and the new developments of Chinese foreign policy // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. P. 1–14. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-022-00266-2.pdf?pdf=button> (accessed: 20.10.2022). DOI: 10.1057/s41254-022-00266-2.

30. Kobierecka A., Kobierecki M.M. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications // *International Politics*. 2021. Vol. 58. No. 1. P. 937–954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1.

31. Laruelle M., Peyrouse S. *The Chinese question in Central Asia: Domestic order, social change and the Chinese factor*. New York: Columbia University Press, 2012.

32. Lilei S., Zhao Q. A model for the Belt and Road Initiative: China's cultural diplomacy toward Central and Eastern European countries // *The Belt and Road Initiative in the global arena: Chinese and European perspectives* / Ed. by C. Yu, S. Lilei, H. Lihe. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. P. 55–68.

33. Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No. 1 (73). P. 50–69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50-69.

34. Melissen J. *The new public diplomacy: Between theory and practice // The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations* / Ed. by J. Melissen. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–27.

35. Nicholas J.S. *Chinese migration to Central Asia: Contrasting experiences between Kazakhstan and Kyrgyzstan*: Master's Thesis. University of Washington, 2013. Available at: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/23547/STEINER_washington_02500_11745.pdf?sequence=1 (accessed: 20.10.2022).

36. Whyke T.W., Chen Z.T., Lopez-Mugica J. An analysis of cultural dissemination and national image construction in Chinese influencer Li Ziqi's vlogs and its impact on international viewer perceptions on YouTube // *The Journal of Chinese Sociology*. 2022. Vol. 9. No. 14. P. 1–19. DOI: 10.1186/s40711-022-00173-2.

REFERENCES

1. Bakhriev B.Kh. 2018. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya: vozmozhnosti dlya nezavisimogo Tadzhikistana [Soft power and public diplomacy: Opportunities for independent Tajikistan]. *Tomsk State University Journal*, no. 436, pp. 97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11. (In Russ.)

2. Van B. 2021. *Chzhungo vaitszyaobumen' de tuite gungunvaitszyao yan'tszyu* [On the use of public Twitter-diplomacy tools in China's diplomatic service]. M.A. Thesis. Beijing. (In Chinese.)

3. Van Ts. 2021. Osobennosti publichnoi diplomatii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (istoricheskii aspekt) [Peculiarities of public diplomacy of the People's Republic of China (historical aspect)]. *Russia in the Global World*, no. 21 (44), pp. 67–80. DOI: 10.48612/rg/RGW.21.17. (In Russ.)

4. Guliachzhati T. 2014. 'Duntu' Kunbukhodun de gotsziin'su tszi yuifantsoshi [International aspects of the terrorist activities by 'East Turkestan' and measures in combating them]. *Alabo shitsze yan'tszyu*, no. 4, p. 55–67. (In Chinese.)

5. Lyu D. (ed.). 2018. *Gungunvaitszyao yan'tszyu* [On public diplomacy]. Beijing. (In Chinese.)

6. Krivokhizh S.V. 2012. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaya ['Soft power' and public diplomacy in theory and foreign policy practice of China]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, no. 3, pp. 103–112. (In Russ.)

7. Lai L. 2017. Mediaobraz pervoi ledi kak element 'myagkoi sily' v publichnoi diplomatii Kitaya [Media image of the first lady as an element of 'soft power' in the Chinese public diplomacy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 14, no. 3, pp. 455–465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312. (In Russ.)

8. Lukin A. 2013. Publichnaya diplomatiya [Public diplomacy]. *The International Affairs*, no. 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831> (accessed: 15.12.2022). (In Russ.)

9. Mavlonova A.S. 2015. Rol' uigurskoi diaspori za rubezhom v bor'be za nezavisimost' Sin'tszyana [The role of the Uighur diaspora in the struggle for independence of Xinjiang]. *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1, pp. 169–176. (In Russ.)

10. Muratalieva Z.T. 2017. 'Soft power' Rossii v Tsentral'noi Azii: klyuchevye aspekty i probely v realizatsii [Russian 'soft power' in Central Asia: Key aspects and omissions in implementation]. *Discourse-P*, no. 3–4 (28–29), pp. 121–128. (In Russ.)

11. Naumov A.O. 2021. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya Germanii: proshloe i nastoyashchee ['Soft power' and public diplomacy in Germany: Past and present]. *Genesis: Historical Research*, no. 11, pp. 133–145. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.33457. (In Russ.)

12. Rustamova L.R., Bakhriev B.Kh. 2020. Osobennosti publichnoi diplomatii Evropeiskogo soyuza v Tsentral'noi Azii [Distinguishing features of EU public diplomacy in Central Asia]. *Politiya: analiz, khronika, prognoz*, no. 3 (98), pp. 165–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-165-180. (In Russ.)

13. Tan S. 2006. Chzhungo gungunvaitszyao de fachzhan' tszitsi tisiigoutszyan' [System development of the Chinese public diplomacy]. *Syan'dai gotsziguan'si*, no. 2, pp. 42–46. (In Chinese.)

14. Uzbekov D., Kurmanov Z. 2014. Uigury kak aktor politicheskogo protsessa v Kyrgyzskoi Respublike [Uighurs as political actors in the Kyrgyz Republic]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 17, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.)

15. Khan F. 2012. *Gungunvaitszyao gailun'* [Public diplomacy: An introduction]. Beijing. (In Chinese.)

16. Khan' Ch. 2000. *Chukou meigo: meigo sin'ven'chu yui meigo gong-gongvaitsziao* [The export of the USA: USIA and the US public diplomacy]. Tianjin. (In Chinese.)

17. Tszu S. 2016. Khan'yui gotszi tuiguan chzhan'lyue yan'tszyu [On the global strategy of dissemination of the Chinese language]. *An'khuei ven'syue*, no. 7, pp. 155–156. (In Chinese.)

18. Tszhao Zh. 2014. Chzhungo sin'tszyan chzhulyu meiti chzhun 'yachuan' boshouchzhunsyui tsyu yan'tszyu [Audience study of the main Xinjiang media in Central Asia]. *Sin'tszyan shifan dasyue syuebao*, no. 5, pp. 110–116. (In Chinese.)

19. Chzhan Kh. 2019. Idaiilu beitszinsya chzhungo dui khasakesytan' de gungungvaitszyao [China's public diplomacy in Kazakhstan in the context of the Belt and Road Initiative]. *Gungungvaitszyao tszikan'*, no. 2, p. 80. (In Chinese.)

20. Chzhan Yan, Chzhan Yao. 2016. Min'sin'syantun de meitilutszin" yui tszyan'gou — duifeichzhousin'gungunvaitszyao de sykao [Media-strategies and people-to-people contacts: On new public diplomacy in Africa]. *Duivaixzhuan'bo*, no. 4, pp. 7–9. (In Chinese.)

21. Chzhao K. 2007. *Gungunvaitszyao de lilun' yui shitszyan'* [Theory and practice of public diplomacy]. Shanghai. (In Chinese.)

22. Chzhao Kh. 2007. Chzhunguo de chzhun'yavaitszyao: lilun' yui shitszyan' [China's diplomacy in Central Asia: Theory and practice]. *Gotszi ven'tiyan'tszyu*, no. 4, pp. 30–52. (In Chinese.)

23. Chzhun L., Van Ts. 2006. Chzhungo gungunvaitszyao de yan'tszin': neizhun" yui sinshi [Evolution of China's public diplomacy: Form and content]. *Vaitszyaopinlun'*, no. 3, pp. 64–69. (In Chinese.)

24. Custer S., Schon J., Horigoshi A. et al. 2021. *Corridors of power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk road*. Williamsburg, VA, AidData at William & Mary. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Corridors_of_Power.pdf (accessed: 15.12.2022).

25. Custer S., Sethi T., Solis J. et al. 2019. *Silk road diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia*. Williamsburg, VA, AidData at William & Mary. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Report.pdf (accessed: 15.12.2022).

26. Exnerová V. 2021. China's 'Silk road' public diplomacy in Central Asia: Rethinking the 'network' approach to the study of public diplomacy and its instrumentalism. In: Ptáčková J., Klimeš O., Rawnsley G. (eds.). *Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 65–87.

27. Fominykh A. 2017. Russia's public diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The role of the universities. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 12, no. 1, pp. 56–85. DOI: 10.1163/1871191X-12341350.

28. Klimeš O. 2021. Xinjiang in China's public diplomacy in Central Asia: Case study of Almaty. In: Ptáčková J., Klimeš O., Rawnsley G. (eds.). *Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 35–63.

29. Kobierecka A. 2022. Post-COVID China: 'Vaccine diplomacy' and the new developments of Chinese foreign policy. *Place Branding and Public Diplomacy*, pp. 1–14. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-022-00266-2.pdf?pdf=button> (accessed: 15.12.2022). DOI: 10.1057/s41254-022-00266-2.

30. Kobierecka A., Kobierecki M.M. 2021. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications. *International Politics*, vol. 58, no. 1, pp. 937–954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1.

31. Laruelle M., Peyrouse S. 2012. *The Chinese question in Central Asia: Domestic order, social change and the Chinese factor*. New York, Columbia University Press.

32. Lilei S., Zhao Q. 2018. A model for the Belt and Road Initiative: China's cultural diplomacy toward Central and Eastern European countries. In: Yu C., Lilei S., Lihe S. (eds.). *The Belt and Road Initiative in the global arena: Chinese and European perspectives*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 55–68.

33. Litvak N.V., Pomozova N.B. 2021. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 1 (73), pp. 50–69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50–69.

34. Melissen J. 2005. The new public diplomacy: Between theory and practice. In: Melissen J. (ed.). *The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations*. London, Palgrave Macmillan, pp. 3–27.

35. Nicholas J.S. 2013. *Chinese migration to Central Asia: Contrasting experiences between Kazakhstan and Kyrgyzstan*. Master's Thesis. University of Washington. Available at: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/23547/STEINER_washington_0250O_11745.pdf?sequence=1 (accessed: 15.12.2022).

36. Whyke T.W., Chen Z.T., Lopez-Mugica J. 2022. An analysis of cultural dissemination and national image construction in Chinese influencer Li Ziqi's vlogs and its impact on international viewer perceptions on YouTube. *The Journal of Chinese Sociology*, vol. 9, no. 14, pp. 1–19. DOI: 10.1186/s40711-022-00173-2.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022;
одобрена после рецензирования 01.02.2023;
принята к публикации 07.03.2023
The paper was submitted 05.10.2022;
approved after reviewing 01.02.2023;
accepted for publication 07.03.2023